

Смирение и самоуважение: область совместимости

Подзолкова Н. А.

Озёрский технологический институт – филиал НИЯУ МИФИ
г. Озёрск, Челябинская область

Речь пойдет о состояниях, всем нам хорошо знакомых и привычных, но именно поэтому редко подвергаемых пристальному рефлексивному анализу. Существует определенное клише восприятия: самоуважение (синоним «чувство собственного достоинства») – это нечто положительное, связанное с самореализацией человека, его ответственным отношением к своей личности, а значит, и к другим людям; а смирение – что-то из области религиозного самоограничения. Светские люди не очень любят вспоминать его, поскольку без религиозного контекста «смирение» имеет и вовсе неприятный смысл: отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле. Таким образом, общество воспитывает нас, во-первых, в негласном саботировании понятия «смирение», во-вторых, в противопоставлении понятий «смирение» и «самоуважение». Интересно, что при этом фамилия «Смирнов» является одной из самых распространенных в русском языке, поскольку «смирность», «уживчивость» всегда имели высокую ценность для общинного народного уклада. Попробуем же взглянуть на знакомые понятия под другим углом, изменить традиционное восприятие, которое, как вскоре выяснится, мешает нашим взаимоотношениям с миром разнообразных живых существ, похожих и непохожих на нас самих.

О «философии Другого» и двух видах бытия

В начале XX века философ Мартин Бубер написал удивительную книгу, которую сложно назвать философским трактатом и тем более научным исследованием. Это, скорее, мистическое послание-переживание, обращение к самому сокровенному в душе читателя-друга. Книга называется «Я и Ты» [2] и знаменует собой зарождение новой философской традиции – «философия Другого». В этой философии основной точкой отсчета является не наше Я, не окружающий нас мир, и даже не Бог, а то *живое существо, с которым мы в данный момент времени вступаем в непосредственное отношение*. Это может быть наш родственник, друг, враг, случайный прохожий, кот или даже дерево за окном. Главное, чтобы состоялась Встреча с Ты, с Другим, потому что «только через присутствие Ты возникает настоящее» [2, с. 11].

Борис Васильевич Марков так говорит об этом новом подходе: «... думается, что интерес к этой теме вызван прежде всего проблемой другого, точнее, чужого. Она не сводится к тому, чтобы самому стать другим, чтобы самому мыслить иначе. *Задача не в увеличении собственных ресурсов на основе понимания другого, а в том, чтобы дать ему место и слово*. Философия другого как основание нового понимания этических категорий, таких как справедливость и ответственность, является альтернативой онтологии, которая сводит решение этических проблем к осмыслению бытия» [4, с. 374, курсив внутри цитаты мой – Н.П.]. Марков подчеркивает, что для выполнения этой задачи («дать другому место и слово») необходимо выйти в особенный режим бытия, совершенно не похожий на все объясняющие и понимающие онтологии. Чтобы *по-новому* увидеть другого, мы и сами должны перестать быть *прежними*. Какими же мы были и какими нам предстоит стать?

Французский философ Эммануэль Левинас отвечает на этот вопрос, вводя две новые категории «Тотальность» и «Бесконечное» [3]. *Тотальность* – это вид бытия; отличающийся принципиальной однородностью. Здесь живое (обладающее внутренним измерением) отличается от неживого (не обладающего внутренним измерением) только уровнем сложности. Изнутри такого бытия-Тотальности встреча с Другим невозможна. Напротив, *Бесконечное* – это вид бытия, принципиально не поддающийся окончательному осмыслению, это бездонная глубина внутреннего измерения, которая и делает живое – Живым, а другого – по-настоящему

Другим, предлежащим перед нами как бескрайний мир, соразмерный нашей собственной бесконечности.

Другими словами эти же виды бытия описывает замечательный современный мистик Экхарт Толлле. Он говорит о необходимости различения: 1) неосознанного бытия, в котором наше сознание отождествляет себя с каким-либо внешними/временными формами (вещами, телом, эмоциями, умом); и 2) осознанного бытия, в котором существует пространство (зазор) между переживанием «Я ЕСТЬ» и любыми преходящими формами – такое бытие ощущается как Присутствие в Настоящем [5, с. 262-266]. Только открыв в себе измерение «Я ЕСТЬ», мы сможем открыть этот же вид бытия в Другом и для Другого, ведь по сути мы попадаем в *общее* измерение, где Встреча с Ты возможна, естественна и необходима.

Кому на самом деле подчинён субъект: история вопроса

Субъект – состояние духа, в котором, с одной стороны, человек говорит о себе от первого лица («я»), а с другой стороны – признает своё положение нижестоящего, подчиняющегося [(s)иро – движение снизу вверх, изнутри наружу]. Но главный вопрос в том: *кому подчиняется субъект?* На протяжении истории философии ответ постоянно менялся: субъект то подчинялся Божественной Воле, то бездушному объекту, то никому не подчинялся (кантовская революция, в которой субъект начинает играть ключевую роль в познании). Затем была попытка изгнать всяческую «субъективность», очистить познание для получения объективных сведений о мире. Интерес к субъекту то угасал, то разгорался. Но в самом термине уже спрятан ответ: субъект не может подчиняться чему-то ограниченному, чему-то конкретному, ведь он есть *подлежащее* – то, о чем идет речь – а значит его движение «снизу вверх» может исходить только изнутри того режима безусловного бытия, которое Э. Левинас назвал «Бесконечным», а Э. Толле «Осознанным».

При этом нужно помнить, что объект [«заброшенный вперед, лежащий рядом, около, вокруг»] – то, на что направлено внимание субъекта – сам по себе пуст и мертв, если внутри него нет «сердцевины» – осознающего субъекта.

Мы можем говорить от первого лица, быть живыми и ответственными за свои поступки только если сопричастны Бесконечному, только если наш субъект опирается на нечто *в глубине себя, но при этом его превосходящее*. Иммануил Кант называл это категорическим моральным императивом: обязанностью поступать в соответствии с внутренним (не внешним, не объективным) законом, который при этом не является субъективным, но *интерсубъективным* (общим для каждого субъекта). Но что это как не состояние смирения – подчинение чему-то безусловному? Только эта безусловность должна быть *живая*, должна исходить из глубины того, чем мы прямо сейчас являемся.

Что значит «моя» жизнь

Мы привыкли говорить «моя» жизнь, «мои» страдания, «моё» счастье. Что это значит? Что жизнь принадлежит моему Я, моему субъекту? Но мы только что увидели, что это не так. Субъект подлежит (принадлежит) жизни, а не наоборот. *Это я у Жизни, а не Жизнь у меня*. Об этом уже много столетий на разные лады говорят великие мудрецы.

Лао-Цзы в VI веке до н.э. учил о естественном пути Дао, которое управляет жизнью человека. Христос просил: «Пусть исполнится Твоя воля, а не Моя» (Ев. от Луки, 22:42). Персидский поэт-суфий Хафиз в XIV веке писал: «Я дырочка флейты, через которую дышит Христос» [Цит. по 5, с. 351]. Франциск Ассизский в XII-XIII веках молился: «Владыка, сделай меня орудием Твоего мира...» [Цит. по 1, с. 203-204]. В наш век им вторит Э. Толле: «...Не вы живёте своей жизнью, а жизнь живёт вами. Жизнь – это танцор, вы – танец» [5, с. 140].

Иллюзия недостаточности нашего я

Фундаментальная ошибка-допущение, диктуемое человеческим эго: *я недостаточен*. Отсюда возникает желание «достроиться до полноты», получив всеобщее одобрение. Если есть хотя бы один человек, который думает обо мне неверно или несправедливо, эго пытается

исправить ситуацию. Это похоже на инверсию принципа фальсификации, предложенного Карлом Поппером для верификации научных теорий: если находится хотя бы один факт, опровергающий теорию, значит теория неверна. Логика человеческого эго исходит из постулата безусловной собственной правоты, которая доказывается исправлением/уничтожением всех «исключающих примеров». Но в науке принцип фальсификации работает именно потому, что исправить факт невозможно – это данность, которую теория должна объяснять, а не исправлять.

Так, рассчитывая «исправить ситуацию», эго понимает, что мнение в чужой голове – это не факт, а иллюзия и заблуждение. Но ведь такой же иллюзорной природой обладает любое мнение, включая наше собственное. Эго втягивает нас в борьбу с «теньями», из которой невозможно выйти победителем. Оно пытается контролировать текучую неустойчивую субстанцию чужих мыслей, в то время как не может уследить за своими собственными.

Состояние разотождествления с этой эгоической стратегией и есть смирение. В книге Регины Бретт есть замечательные слова неизвестного автора, помогающие понять суть этого переживания: «Смирение – это вечная тишина в сердце. Это значит не тревожиться. Это значит никогда не чувствовать досады или раздражения, беспокойства или горечи; никогда не удивляться тому, что делают мне, не чувствовать, что что-то мне делают во вред. Это значит оставаться безмятежным тогда, когда никто меня не хвалит. Когда обвиняют либо презирают. Это значит хранить в своей душе священный приют, в который я могу войти, закрыться и преклонить колени перед моим Отцом в тайне и умиротворении, будто в глубоком море покоя, когда всё вокруг кажется катастрофой» [1, с. 201].

«Проект Атман» и необходимость войти в режим Бесконечного бытия

В книге «Проект Атман» американский философ Кен Уилбер вскрывает суть эгоической стратегии, многие столетия делающей людей несчастными. Вот эта стратегия: «Каждая стадия или уровень роста стремится к абсолютному Единству, но такими путями или при таких ограничениях, которые с необходимостью этому препятствуют». [6, с. 159-160]. То есть на каждом новом этапе развития сознания возникает свой вариант неадекватности. Чем выше этап – тем опаснее неадекватность, тем сложнее ее распознать, поскольку отождествления эго с новыми формами (то есть с новыми ограничениями) становятся всё более изощренными. Но парадокс в том, что полнота не может быть достигнута с помощью любой (даже самой прекрасной и сложной) формы и стратегии, потому что *она уже есть*. Мы никогда не переставали быть завершёнными, но потеряли ощущение полноты, вернее *полнота почти перестала ощущаться через нас*. Величайший мистик XIII века Мейстер Экхарт удивительно точно передал это в следующих словах: «Бог готов ежечасно, но мы не готовы; Бог к нам близок, но мы далеки. Бог внутри, но мы снаружи; Бог в нас дома, но мы чужие» [7, с. 52].

Говоря категориями данной статьи, мы пытаемся решить задачу в режиме бытия-Тотальности, в то время как она уже решена (а точнее никогда не возникала) в режиме бытия-Осознанности. «Пребывая в форме, вы всегда будете выше одних и ниже других. – говорит Э. Толле. – Но в сути своей вы не выше кого-то и не ниже. Осознание этого дарует истинное самоуважение и истинное смирение. В глазах эго самоуважение и смирение противоречат друг другу. Но на самом деле это одно и то же» [5, с. 133]. Суть этого «обоюдоострого» смирения-самоуважения – переживание безусловного факта, что все текучие мнения (включая свое собственное) никак не затрагивают того, что Я ЕСТЬ на самом деле, и что на самом деле ЕСТЬ ДРУГОЙ.

Смирение-самоуважение как дверь в Отношение

Считая смирение чем-то противоположным самоуважению, мы не можем умерить амбиции своего эго, не можем выйти из режима бытия-Тотальности, в котором встреча с Другим невозможна. Эго видит только себя и постоянно стремится распространить концепцию себя и своего виденья на Другого. Другой для эго – лишь досадная помеха, подлежащая исправлению. Захватив все внимание на себя, эго пытается убедить нас, что самоуважение строится на

изолированном фундаменте *правильного Представления* о собственном Я, а не на *живом Бытии* этого Я, которое никого не исключает и не умаляет, в котором *все мы вместе*, в котором Ты – это вдох, а Я – это выдох. Смирение – это и есть основа самоуважения и подлинной самодостаточности, которые выражаются в готовности выйти навстречу *каждому* существу, предстоящему тебе во всей своей глубине и сложности, и держать перед ним честный Ответ.

Библиографический список

1. Бретт Р. Бог никогда не моргает. 50 уроков, которые изменят твою жизнь. – М.: Эксмо, 2013. – 352 с.
2. Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. – М.; СПб: Университетская книга, 2000. – 416 с.
4. Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – 554 с.
5. Толле Э. Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 368 с.
6. Уилбер К. Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. – 314 с.
7. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – Репринтное изд. 1912 г. – М.: Политиздат, 1991. – XLII, 192 с.